

УДК 82-343.4

АНГЛИЙСКИЕ РОЖДЕСТВЕНСКИЕ КОДЫ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ РОМАНЕ Т. ПРАТЧЕТТА «САНТА-ХРЯКУС»

© 2014 г.

О.А. Королева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

oa.krlv@gmail.com

Поступила в редакцию 08.07.2014

В статье анализируется постмодернистский роман Т.Пратчетта «Санта-Хрякус», написанный в традициях рождественской прозы, которые автор иронически переосмысливает, пародируя основные мотивы и образы праздника, следуя при этом традиционной английской рождественской философии.

Ключевые слова: рождественская проза, постмодернизм, Т. Пратчетт, пародия, сюжет.

Праздник Рождества – один из самых популярных в Англии. Очевидно, это связано с тем, что в нем соединились две традиции: языческая и христианская. Изначально в I–IV веках нашей эры римляне праздновали Сатурналии, считая день зимнего солнцестояния победой Сатурна над зимой. Римляне пировали, дарили подарки, словесные различия в это время не соблюдались. В Британии во времена римской оккупации справлялись Хэллоуин и праздник «рождения нового солнца» в день зимнего солнцеворота [1, с. 167–175]. Как и другие языческие праздники, он включал в себя определенные ритуалы, обряды, верования. Например, были распространены ритуальные жертвоприношения, которые должны были привлечь силы природы на сторону человека, способствовать плодородию, хорошему урожаю. Еще один аспект календарно-обрядовых праздников, в том числе и Рождества, связан с народно-карнавальными культурами. Особенно значим был карнавальная смех, носивший амбивалентный характер, осмеянию подвергалось все вокруг и таким образом отрицалось негативное и утверждалось идеальное мироустройство. «Не случайно в Англии возник специальный «День Всех Дураков» (*All Fools' Day*), когда поощрялись шутки над любым человеком. Глупые в этот день и в любой другой период карнавала объявлялись временно «царями», правителями. На двенадцать рождественских дней обычно выбирался «Лорд беспорядка», «*Lord of Misrule*», задачей которого было руководить весельем, устраивать маскарады» [2, с. 61].

Изменялось в этот период и восприятие пространственно-временных границ. Существовало поверье, что в эти дни активизировались потусторонние силы, призраки, злые духи, небесные хранители.

Постепенно языческий праздник календарного цикла заменяется христианским Рождеством, появившимся у христиан в начале IV века нашей эры, а в Англии его становление будет происходить еще два столетия, что связано с длительной борьбой языческих и христианских традиций. К 1100 году Рождество стало главным религиозным праздником в Европе. Во времена Реформации рождественские праздники отчасти утрачивают свою популярность, так как многие христиане связывают их с языческими верованиями из-за древних обрядов, сопровождающих Рождество. В связи с чем его празднование в XVII веке было на время отменено в Англии и некоторых английских колониях в Америке.

Существование обрядовых ритуалов в языческом празднике и христианском Рождестве приводит к появлению ряда новых жанров, фольклорных и театральных, которые впоследствии найдут отражение в литературе. Так возникают хоровые песнопения (*carols*), сначала прославляющие языческих богов и отпугивающие злых духов, позже – посвященные рождению Христа. Важнейшей составляющей рождественских празднеств являлись театральные представления, а именно «рождественская пантомима», премьера которой всегда приходилась на второй день Рождества – 26 декабря. Рождественская пантомима была создана на основе итальянской комедии масок (*commedia dell'arte*) и, как следствие, была наполовину импровизационной. Она игралась как на сценах привилегированных, так и непривилегированных театров, «представляла собой синтетическое зрелище, построенное в основном на пантомимическом действии, обильно оснащенное музыкой и пением, комическими трюками и сказочными трансформациями» [3, с. 9].

Начиная с XVIII, века рождественская тема появляется и в литературных произведениях. Впервые она возникает в очерках английских публицистов Дж. Аддисона и Р. Стила, ярко представивших празднование сельского Рождества в эссе о помещике Роджере де Коверли. В 1820 году американский писатель-романтик В. Ирвинг издал «Книгу эскизов», ряд глав которой был посвящен празднованию Рождества сквайром Брейсгердлом. В творчестве Ч. Дикенса рождественская тема является одной из основных на протяжении всего писательского пути, начиная с произведений «Очерки Боза», «Рождественская песнь в прозе», «Колокола», «Сверчок», «Битва жизни» и заканчивая поздними произведениями 50–60-х годов. Не обошли вниманием рождественскую тему и такие крупные писатели XIX века, как У. Теккерей, У. Коллинз, Э. Гаскелл.

Таким образом, начиная с XVIII века, рождественская тема представлена в творчестве многих авторов в произведениях разных жанров (повесть, рассказ, гимн, очерк, эссе и т.д.), что позволяет выделить основные элементы рождественского текста. С.Ю. Николаева в своем диссертационном исследовании, относя произведения, связанные с рождественской тематикой, к календарно-духовной литературе, предлагает ряд признаков, определяющих рождественский текст:

1. Приуроченность к Рождественским праздникам; праздничный хронотоп, преобладание временного фактора в тексте. В тексте часто присутствует пространственная троичность: мир реальный, рождественский (утопический) и ирреальный. Причем между этими мирами присутствует некая «пограничная ситуация» – «рождественское зазеркалье». «Зачастую переход между ними осуществляется с помощью сна, зеркала, метели <...> переход через пограничное пространство может осуществляться при посредстве помощников («рождественский» человек, духи и т.д.), что лишней раз подтверждает сакральность времени» [4, с. 26].

2. Праздничная мистика, необычные, чудесные события, в том числе и связанные с духовным прозрением героя. Рождественское чудо – кульминация всего произведения. «Смысл рождественского чуда в том, что в момент его свершения человеческая жизнь наполняется смыслом, возвращается утраченная надежда. Поэтому момент чуда почти всегда приходится на тяжелый, переломный этап в жизни человека. Приближение рождественского чуда часто предвещается светом.

3. Дидактизм (чаще явный, чем скрытый).

4. «Документальность» (воспоминания).

5. Трагическая развязка (в большинстве случаев) [4, с. 25].

6. Традиционный набор художественных деталей рождественского текста: снег, елка, подарки, огонь (звезда), колокольный звон и цветочная символика. Рождественские подарки не всегда материальны и могут представлять духовные ценности. Зимние атрибуты (снег, метель) актуализируются автором перед наступлением Рождества, изменяется цвет и сущность снега. «Инфернальный снег переходит в свой сакральный коррелят, снег чистый, легкий, мягкий, бесшумно падающий. Снежный покров – как бы белый чистый лист бумаги, на котором можно заново начать летопись мироздания» [4, с. 27].

В системе образов рождественского текста С.Ю. Николаева выделяет следующие типы героев: «рождественский» человек, ребенок, герой-антагонист. Также могут быть использованы образы Богородицы или Христа (зримо или незримо) [4, с. 25].

Перечисленные элементы являются маркирующими для произведений, связанных с рождественской тематикой. С различными вариациями они появляются и в английской литературе XX века, в том числе в творчестве Т. Пратчетта. Книга Т. Пратчетта «Санта-Хрякус» («Hogfather», 1996) относится к циклу «Плоский мир». В основе сюжета – празднование Страшества в Плоском мире. С одной стороны, роман написан в традициях рождественской прозы, что обуславливает его сюжетное построение, а, с другой стороны, следуя игровой установке постмодернизма, автор иронически (даже порой парадоксально) переосмысливает их. Например, в комическом свете представлены некоторые рождественские обычаи. Одна из традиций – собираться на праздничный ужин всей семьей и дарить подарки – обсуждается в романе профессурой Незримого университета: *И не забывают о подарках, – поднял палец заведующий кафедрой беспредметных изысканий, словно читая какой-то внутренний список детских обид. – Какими привлекательными они казались в упаковке, полными скрытых обещаний... А потом ты их разворачивал, и упаковочная бумага оказывалась интереснее самого подарка, но ты вынужден был говорить: «Спасибо большое, именно это я и хотел». Вообще, выражение «дарить подарки приятнее, чем их получать» – полная глупость. Не приятнее, а менее стыдно.*

– Кстати, – встрял главный философ, – за свою достаточно долгую жизнь я столько

страшдественских подарков подарил...– И ты один, – мрачно откликнулся заведующий кафедрой. – Тратишь на других людей целое состояние, а когда разворачиваешь свой подарок, то видишь какой-нибудь илепанец ужасного цвета и трактат, посвященный ушной сере [5, с. 81]. Пародийно обыгрывается и традиция рождественских песнопений (carols) в эпизоде встречи хора и нищих: *Голоса сливались в полной гармонии. Банки были полны пожертвованиями беднякам города – по крайней мере, той части бедняков, которая, по мнению госпожи Хаггс, была более-менее живописной, не слишком вонючей и обязательно говорила «спасибо». Но вдруг в слаженное пение начал проникать некий диссонанс. Сантаславы замерли и в ужасе уставились на нищих. На самом деле нищих не интересовало соблюдение народных обычаев. Они просто шумели в обоснованной надежде, что кто-нибудь даст им денег, лишь бы они замолчали* [5, с. 125]. В традициях нонсенса создан в романе образ Смерти. У Т. Пратчетта Смерть мужского рода и его речь всегда в тексте оформлена заглавными буквами. Он временно исполняет функции исчезнувшего Санта-Хрякуса, щедро наделяя всех подарками, для чего принимает вид Санта-Хрякуса (надевает его красную шубу, приделывает подушку на живот и приходит в дома, как и положено Санта-Клаусу, через трубу, оставив на ковре следы от сажи и произнося традиционное ХО-ХО-ХО).

Но если вышеназванные элементы пародируются, неся скорее комическую нагрузку, то обращение автора к традиционным рождественским сюжетам связано с реализацией иронической модальности, с сатирической окраской, полемикой с христианско-сентиментальной традицией. Так, хрестоматийным является рассказ об умирающей девочке (торговка спичками), которая в романе Т. Пратчетта в качестве подарка на Рождество просит жизнь у ненастоящего Санта-Хрякуса (переодетый Смерть) : *И ЧТО ЖЕ ОНА ХОЧЕТ ПОЛУЧИТЬ НА СТРАШДЕСТВО? ХО- ХО- ХО. Что-то маленькое упало ему в руку.*

– Вот это, – сказал Альберт.

Наступила долгая кошмарная пауза, пока они оба смотрели на жизнеизмеритель.

– *НО СЕЧАС ЖЕ СТРАШДЕСТВО.*

– *Очень традиционное время для подобных случаев, насколько я знаю, – пожал плечами Альберт.*

– *Я ДУМАЛ, СЕЙЧАС СЛЕДУЕТ ВЕСЕЛИТЬСЯ И РАДОВАТЬСЯ, – сказал Смерть.*

– *Понимаешь ли, хозяин, люди веселятся еще и потому, что где-то кому-то не до веселья, –*

промолвил Альберт так, будто констатировал некий обычный факт. – Хорошее познается в сравнении. Э-э, хозяин?

– *НЕТ. – Смерть встал. – ТАК БЫТЬ НЕ ДОЛЖНО* [5, с. 85].

Столь же неожиданна трактовка эпизода с бедным стариком и королем, в котором виден явный отсыл к рождественским песнопениям, в частности к carol «Good King Wenceslaus» о бедном крестьянине и короле, который оказывается переодетым святым. По сюжету, ставшему основой для традиционного святочного рассказа, в лютую зимнюю пору бедняк, идущий по следам святого, согревается, и оба путника достигают хижины, где их ждёт огонь очага и рождественский ужин. Песня заканчивается призывом к благотворительности [2, с. 65]. В романе «Санта-Хрякус» ситуация представлена в антитрадиционном варианте: король хочет облагодетельствовать старика королевским ужином, чему тот явно не рад, что выясняется в диалоге со смертью: *ЧЕМ ТЫ ТУТ ЗАНИМАЕШЬСЯ, СИР?*

Король попытался сосредоточить взгляд на фигуре.

– *Мы занимаемся, если тебя это интересует, благотворительностью на страшдество! Но кто...*

– *ЧУШЬ.*

– *Что? Да как ты смеешь?..*

– *ТЫ БЫЛ ЗДЕСЬ МЕСЯЦ НАЗАД? БУДЕШЬ НА СЛЕДУЮЩЕЙ НЕДЕЛЕ? НЕТ. НО СЕГОДНЯ ТЕБЕ ЗАХОТЕЛОСЬ ОЩУТИТЬ ТЕПЛО ВНУТРИ. СЕГОДНЯ ТЕБЕ ЗАХОТЕЛОСЬ, ЧТОБЫ ЛЮДИ СКАЗАЛИ: «ВОТ КАКОЙ У НАС ДОБРЫЙ КОРОЛЬ. Истинная благотворительность заключается не в том, чтобы давать людям то, что хочешь дать, а в том, чтобы давать им то, что они хотят получить* [5, с. 180].

Жанр произведения можно определить как приключенческий роман с детективной интригой, так как уже завязка сюжета связана с исчезновением Санта-Хрякуса (Санта-Клаус в Плоском мире), убийство которого заказали аудиторы (некие бестелесные существа, наблюдающие за течением жизни во Вселенной). Итак, уже с первых страниц книги обозначено основное действующее лицо рождественских праздников, во внешности, имени и атрибутах которого (его сани запряжены тремя кабанями) угадывается не только Санта-Клаус, но и образы более древних языческих верований. Анализируя элементы художественной рождественской прозы, отметим, что Пратчетт сохраняет традиционную поляризацию героев на отрица-

тельных и положительных (Смерть, его внучка Сьюзен, преподаватели Незримого университета, зубная Фея, и с другой стороны, – наемный убийца Чай-Чай, его помощники в убийстве Санта-Хрякуса, невидимые аудиторы).

Развитие сюжета в произведении связано с особым характером времени. Противопоставлено время обычное и рождественское, которое может останавливаться по желанию волшебных существ: *Закрыв глаза, Сьюзен вытянула перед собой руки ладонями вниз, расставила пальцы и начала опускать руки. Не успела она их совсем опустить, как часы перестали тикать. Последний удар растянулся надолго, в точности как предсмертный хрип... Каждый рациональный миг разделяют миллиарды миггов иррациональных. Где-то вне времени едет в своих санях Санта-Хрякус, зубная фея поднимается по лестнице, Дед Мороз рисует свои узоры, а мясленичная утка откладывает шоколадные яички. В бесконечном пространстве между неуклюжими секундами* [5, с. 45]. Особенно следует отметить ночное время, когда события максимально сконцентрированы, и по сути всё действие произведения укладывается в одни сутки. Подобно произведениям Диккенса, связь прошлого и настоящего осуществляется в романе Т. Пратчетта через Духов, воплощающих детские страхи героев и, таким образом, предотвращающих их нынешние преступления (помощь в убийстве Санта-Хрякуса). С категорией времени в тексте связана категория пространства, оно двоично: мир реальный, мир людей и ирреальное пространство, где находится замок Смерти, дворец Санта-Хрякуса, мир детского рисунка.

Кульминация всего произведения в рождественской прозе – это рождественское чудо.

В романе «Санта-Хрякус» оно связано с идеей двоимирия. По справедливому замечанию С.Ю. Николаевой, «Смысл рождественского чуда в том, что в момент его свершения человеческая жизнь наполняется смыслом, возвращается утраченная надежда» [4, с. 73]. Аудиторы хотят убить Санта-Хрякуса, чтобы избавить Вселенную от всякой сентиментальности, а Санта-Хрякус – символ всей мечтательной лжи, мира иллюзий. Но антропоморфное существо невозможно убить, как обычного человека, поэтому наемный убийца Чай-Чай при помощи заклинаний решает убить веру в него и как следствие его самого. Именно поэтому, чтобы не терялась вера, Смерть заменяет Санта-Хрякуса в рождественскую ночь и вместе со Сьюзен не дает ему погибнуть на рассвете. Характерно, что в финальном эпизоде идея веры, характерная для христианской традиции соеди-

няется с языческими верованиями и древним праздником зимнего солнцестояния: *КТО-ТО ДОЛЖЕН БЫЛ ЗАМЕНИТЬ САНТА-ХРЯКУСА. ЭТО БЫЛО ЖИЗНЕННО НЕОБХОДИМО. БОГА ДОЛЖНЫ ВИДЕТЬ, В БОГА ДОЛЖНЫ ВЕРИТЬ. ДО РАССВЕТА ВЕРА В САНТА-ХРЯКУСА ДОЛЖНА ВОЗРОДИТЬСЯ.*

– Зачем? – спросил Чудакулли.

– ЧТОБЫ ВОЗОШЛО СОЛНЦЕ [5, с. 175].

Так, автор метафорически подчеркивает свою мысль о важности для человека веры в чудо, не случайно далее Смерть говорит: *ЛЮДЯМ НУЖНЫ ФАНТАЗИИ, ЧТОБЫ ОСТАВАТЬСЯ ЛЮДЬМИ. ЧТОБЫ БЫЛО МЕСТО, ГДЕ ПАДШИЙ АНГЕЛ МОЖЕТ ВСТРЕТИТЬСЯ С ПОДНИМАЮЩИМСЯ НА НОГИ ПРИМАТОМ* [5, с. 175]. В финале произведения кабан, олицетворяющий Санта-Хрякуса, погибает в схватке, но затем воскресает сначала в облике древнего человека и далее проходит все стадии развития, превращаясь в Человека Разумного. Его поединок происходит на белой снежной равнине, символизирующей начало мироздания, а возрождение сопровождается светом, который в соответствии с традиционным рождественским сюжетом предвещает чудо: *Взошло солнце. Свет струился вокруг Сьюзен бесшумным ветром. Он был ослепительным. Присев, она закрыла глаза ладонью. Огромный огненный шар превратил застывший на ветвях снег в языки пламени. Золотистый свет ударил по горным вершинам и сделал из них яркие безмолвные вулканы, а потом покатился дальше, в долины, – непреклонно, безостановочно, гигантским потоком световой лавы. Послышался стон. На снегу, где только что умирал кабан, лежал мужчина* [5, с. 174].

Таким образом, основная идея произведения подтверждается обращением к мифопоэтической традиции с мотивом смерти и воскрешения: «одно из ярких проявлений чуда – рождественская смерть, но не в привычном понимании, а чудо смерти...смерть не что иное, как рождение – в чем и заключен основной смысл Рождества» [4, с. 27].

Подводя итоги, следует отметить, что Т. Пратчетт в своем романе пародирует ряд элементов, характерных для рождественской прозы, полемизируя с традиционными рождественскими сюжетами, обычаями, превратившись в литературные штампы, при этом использует в «Санта-Хрякусе» характерный рождественский хронотоп, поляризацию героев на отрицательных и положительных, цветовую символику и в особенности движение сюжета и его кульминацию в виде рождественского чуда. Таким образом, представляя современный по-

стмодернистский роман, Т. Пратчетт остается близок к традиционной английской рождественской философии, во многом сформировавшейся благодаря прозе Ч. Диккенса.

Список литературы

1. Клейн Л. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. М.: Евразия, 2004. 480 с.

2. Чаплыгина О.В. Структура рождественского текста Чарльза Диккенса. Дис. канд. филол. наук. Калининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2011. 195 с.

3. Хайченко Е. Метаморфозы одной маски. Джозеф Гримальди. М.: ГИТИС, 1994. 56 с.

4. Николаева С.Ю. Пасхальный текст в русской литературе XIX века. Дис.канд.филол.наук. Москва: Литературный институт им. А.М. Горького, 2004. 218 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://www.dissercat.com/content/paskhalnyi-tekst-v-russkoi-literature-xix-veka?_openstat=cmVmZXJ1bi5jb207bm9kZTthZDE7 (дата обращения 3.04.2014).

5. Пратчетт Т. Санта-Хрякус. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.ru/book/pratchett_terri/santa_hryakus.html (дата обращения 2.04.2014).

6. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М.: АСТ, 2010. 768 с.

ENGLISH CHRISTMAS CODES IN THE POSTMODERN NOVEL BY T.PRATCHETT «HOGFATHER»

O.A. Koroleva

The article analyzes the postmodern novel by T. Pratchett «Hogfather», written in the tradition of Christmas prose, which the author reinterprets ironically, parodying the main motives and images of the holiday, following the traditional English Christmas philosophy in the main idea of the work.

Keywords: Christmas prose, post-modernism, T. Pratchett, parody, subject.

References

1. Klejn L. Voskreshenie Peruna. K rekon-strukcii vostochnoslavjanskogo jazychestva. M.: Evrazija, 2004. 480 s.

2. Chaplygina O.V. Struktura rozhdestvenskogo teksta Charlza Dikkensa. Dis. kand. filol. nauk. Kaliningrad: Baltijskij federal'nyj universitet im. I. Kanta, 2011. 195 s.

3. Hajchenko E. Metamorfozy odnoj maski. Dzhozef Grimal'di. M.: GITIS, 1994. 56 s.

4. Nikolaeva S.Ju. Pashal'nyj tekst v rus-skoj literature XIX veka. Dis.kand.filol.nauk. Moskva: Literaturnyj institut im. A.M. Gor'-kogo, 2004. 218 s. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa http://www.dissercat.com/content/paskhalnyi-tekst-v-russkoi-literature-xix-veka?_openstat=cmVmZXJ1bi5jb207bm9kZTthZDE7 (data obrashhenija 3.04.2014).

5. Pratchett T. Santa-Hryakus. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://royallib.ru/book/pratchett_terri/santa_hryakus.html (data obrashhenija 2.04.2014).

6. Frjezer Dzh. Zolotaja vetv'. M.: AST, 2010. 768 s.